

У всего в мире свой черёд

Юйчи Ган, ни о чём не подозревая, искренне радовался. Ему казалось, что принц Луань по-настоящему беспокоится о нём, раз прислал лекаря.

— Вэй-гээр, пора пить лекарство.

С пиалой в руках к нему подошла Дин Жу.

Услышав её голос, Юйчи Ган лишь на мгновение замер, но прежнего страха уже не почувствовал. За последние дни он успел убедиться: сейчас перед ним была всё та же Дин Жу, его названная младшая сестрёнка. Все те ужасы и перемены в её характере начнутся лишь тогда, когда её заберут в поместье Шэнь.

— Я сам, — Юйчи Ган выбрался из-под тёплого одеяла и потянулся к ложке, которой Дин Жу собиралась его поить.

— Давай лучше я помогу, а ты лежи, не шевелись, — Дин Жу ловко отвела руку, не позволяя ему забрать пиалу.

Придерживая посуду одной рукой, другой она заботливо подоткнула ему одеяло.

— Вэй-гээр, открой ротик, — приговаривала она, сама забавно приоткрывая губы.

Юйчи Ган невольно улыбнулся и послушно открыл рот.

Снадобье оказалось невыносимо горьким. Он пил его, кривясь и жмурясь от отвращения.

— Пей быстрее, Вэй-гээр! Допьёшь — получишь сладость.

Она весело защebetала, склонив голову набок. Лицо её так и светилось искренним, детским простодушием. В такие минуты Юйчи Гану стоило огромных трудов сопоставить эту беззаботную девочку с будущей бесстрастной и безжалостной Шэнь Фу.

— Ладно, давай сюда, выпью залпом, — он со вздохом выпростал руки из-под одеяла и забрал пиалу.

Стоило ему осушить посуду, как Дин Жу тут же сунула ему в рот леденец.

— Сладко? Я её у второго старшего брата стащила, только ты ему ни слова!

Юйчи Ган поката́л языком сладкий шарик и ласково улы́бнулся сестре. Глядя на неё, он дал себе безмолвную клятву: он ни за что не позволит ей превратиться в то чудовище, каким она стала в его прошлой жизни. Он сбережёт её чистоту, оградит от невзгод и не позволит никому растоптать её радость и детскую доверчивость.

Снадобье подействовало быстро: Юйчи Ган снова провалился в глубокий сон, а когда открыл глаза, за окном уже сгустилась ночная тьма. Лихорадка наконец отступила, тело наполнилось приятной лёгкостью. Проспав почти сутки, он проголодался так, что в животе призывно заурчало.

Набросив на плечи лёгкий плащ, юноша стал тихонько спускаться по лестнице. Оказавшись на лестничной площадке, он увидел, что за большим столом внизу собралась вся их труппа. Там сидели старейшина Дин и его ученики. Хотя Юйчи Ган и считался первым учеником, по возрасту он уступал многим из сидевших за столом.

— Учитель, — негромко позвал он, спускаясь по ступеням.

Старейшина Дин вздрогнул от неожиданности, но тут же мягко улыбнулся:

— Проснулся наконец?

— Да, проголодался сильно.

— Сходи на кухню, там на плите должно было что-то остаться.

Юноша согласно кивнул и послушно направился в сторону очага.

— Учитель, неужели вы так ничего ему и не расскажете? — вполголоса спросил второй старший брат, стоило Юйчи Гану скрыться за дверью.

— Сам принц Луань потребовал, чтобы явился именно он! — вздохнула старшая сестра. — Разве тут можно отказать?

— Помолчите. Я сам всё решу, — оборвал их старейшина Дин.

На душе у него скребли кошки. Вся труппа собралась за столом лишь ради одного: придумать, кем заменить занедужившего Юйчи Гана на предстоящем выступлении. Но принц Луань знал юношу слишком хорошо — любая подмена раскрылась бы в то же мгновение. Как ни ломал голову старейшина Дин, он понимал, что скрыть обман не удастся.

— Но почему Вэй-гээр нельзя туда идти? — робко спросил один из младших учеников.

— Сказал «нельзя», значит нельзя! — резко отрезал старейшина Дин. — Сяо Юй туда не пойдёт.

— Куда это мне нельзя?

Ученики притихли. Из кухонных дверей вышел Юйчи Ган с дымящейся пиалой лапши в руках.

— Не твоё дело. Иди к себе, — нахмурился старейшина Дин, пытаясь побыстрее выпроводить его обратно наверх.

— Речь ведь о поместье принца Луаня? — Юйчи Ган не двинулся с места. Сопоставив обрывки разговора, он сразу догадался: речь идёт о свадебном торжестве старшего молодого господина Бянь Юя. — Я смогу выступить. В тот вечер я буду в порядке.

— И слушать не желаю! Ты едва на ногах стоишь от болезни. А ну марш к себе!

— Учитель, жар уже спал, я чувствую себя прекрасно. К тому же принц прислал ко мне своего лекаря. Разве я могу отплатить за его доброту чёрной неблагодарностью и сорвать праздник?

Юноша и представить себе не мог, что забота принца Луаня была продиктована не состраданием, а сухим расчётом — Бянь Му просто хотел убедиться, что его лучшая игрушка не сломается перед самым торжеством.

— Учитель, а ведь Вэй-гээр прав, — подал голос кто-то из старших учеников. — Надо отблагодарить его высочество.

— Да и нам тогда не придётся в спешке разучивать этот проклятый танец с длинными рукавами! Пусть выступает тот, кто умеет.

За столом поднялся негромкий гул, ученики наперебой принялись уговаривать наставника.

— Замолчите все! — Старейшина Дин в раздражении прижал ладонь ко лбу. — Свободны. Расходитесь по комнатам.

Ученики не посмели спорить с грозным учителем и быстро, стараясь не шуметь, покинули обеденную залу. В просторной комнате остались лишь наставник и Юйчи Ган, по-прежнему бережно держащий горячую пиалу.

— Учитель...

Юноша тихонько опустился на скамью рядом с наставником.

— Зачем ты так рвёшься к принцу Луаню? — глухо спросил старейшина Дин, не поднимая глаз.
— Что тебе в нём?

Юйчи Ган молча опустил взгляд. Его молчание было красноречивее любых слов. Лапша уже начала остывать, а он так и не успел сделать ни глотка. Его пустой желудок снова предательски отозвался громким урчанием.

— Поешь сначала, — вздохнул наставник.

Юноша послушно взял палочки и принялся за еду, стараясь не смотреть на строгое лицо учителя.

— Учитель...

— Жуй давай, потом поговорим.

Старейшина Дин сидел неподвижно, его невидящий взгляд был устремлён куда-то сквозь стену.

— Я всё, учитель.

— Ну, выкладывай.

Юйчи Ган вздохнул, собираясь с мыслями, а затем тихо, но твёрдо произнёс:

— Потому что... я люблю его высочество.

Старейшина Дин даже бровью не повёл, словно давно ожидал услышать именно эти слова.

— Любовь, — горько усмехнулся он. — Глупое, непутёвое дитя. Одно дело — питать пустые надежды, и совсем другое — лезть в это пекло. Разве может такой, как ты, любить принца?

Юноша непонимающе взглянул на него.

— Он — член императорской семьи, благородная кровь, парящая высоко в облаках. А ты? Жалкий актёр из чайной лавки, паяц, развлекающий толпу! — Старейшина Дин тяжело вздохнул, и в его голосе прозвучала застарелая боль. — Какое будущее тебя ждёт рядом с ним? Он никогда не признает тебя равным. Всё, что способна принести тебе эта безумная страсть, — вечный страх и смертельная опасность!

— Учитель, — мягко прервал его Юйчи Ган. Он посмотрел прямо в полные тревоги глаза наставника. — Сяо Юй больше не ребёнок. Я вырос и прекрасно понимаю, что вы желаете мне только добра. Но поверьте, я хочу и могу защитить нашу труппу. У меня хватит сил уберечь вас всех. Пожалуйста, доверьтесь мне, учитель. Его высочество совсем не такой жестокий, каким кажется. Он не даст меня в обиду.

В глазах юноши светилась отчаянная, почти детская мольба.

Старейшина Дин воспитывал его с младенчества и любил как родного сына. И дело было не только в жалости. Мать Юйчи Гана, Дин Юй, когда-то была его названной сестрой по ремеслу — женщиной, которую он боготворил всю жизнь и которая сгинула по прихоти сильных мира сего. Ещё тогда, над её безымянной могилой, он поклялся, что никогда не подпустит сироту к знатым господам и императорскому двору.

— У меня свои соображения на этот счёт. И пока я жив, ты будешь слушаться меня, — отрезал старейшина Дин и, не оборачиваясь, зашагал прочь из залы.

Проводив его тоскливым взглядом, Юйчи Ган в одиночестве вымыл пиалу и медленно поднялся в свою каморку под крышей.

"И что мне теперь делать? Учитель ведь ни за что не уступит..." — уныло думал он, устраиваясь у окна. Подперев подбородок руками, юноша долго всматривался в бледный лик луны, скользивший среди ночных облаков.

Старейшине Дину в ту ночь тоже не спалось. Достав из потайного ларя старое, ветхое платье Дин Юй — её любимый наряд для выступлений, — он бережно расправил шёлк и заговорил с ним, словно с живой:

— Дин Юй, сестрёнка... Подскажи, как мне быть с твоим сыном? Сердце за него разрывается.

Его старая, мозолистая ладонь нежно погладила потускневшую вышивку. Это платье Дин Юй отдала ему перед самой своей смертью, предчувствуя скорую беду.

В юности она без памяти влюбилась в побочного сына влиятельного семейства Чжуань из округа Хоушань. Но именитые господа и слышать не желали о том, чтобы ввести безродную актрису в свой благородный дом. Тогда влюблённые решились на отчаянный шаг — бежали вместе.

Прошло несколько лет, прежде чем Дин Юй вновь предстала перед старейшиной Дином. Она была измучена, бледна и держала на руках крошечного, едва спасённого младенца — Юйчи Гана. А ещё через несколько дней её бездыханное тело выловили из холодных речных вод.

Что именно произошло между беглецами и почему их счастье обернулось трагедией, так никто и не узнал. Для старейшины Дина это навсегда осталось неразрешимой загадкой. Он помнил лишь, как она рыдала, покрытая синяками и ссадинами, умоляя сберечь её единственное дитя. Отдав сына, она растворилась в ночной темноте, чтобы никогда больше не вернуться.

Наставник дал мальчику новое имя, уберёг от погони и вырастил его за кулисами, обучив всему, что умел сам: пению, пластике и сценическому искусству.

— Дин Юй, глупый твой сын полюбил принца Луаня... Да, в Поднебесной случаются союзы мужчин, и муж-супруг — не такая уж редкость среди знати. Но связать судьбу с членом правящей династии? Моё сердце предчувствует страшное... Будь ты сейчас со мной, ты бы знала, как уберечь его...

Старик прижал шёлковые складки к лицу, и по его морщинистым щекам покатались беззвучные слёзы.

В ту ночь наставнику впервые за долгие годы явился образ покойной сестры. Сквозь туман сновидения её лицо казалось размытым, неразличимым, но он сердцем узнал эти тонкие плечи и лёгкую, летящую походку. Она подошла ближе, склонилась над ним и прошептала лишь одно:

"У всего под луной свой черёд..."

Когда старейшина Дин открыл глаза, утреннее солнце уже вовсю заливало комнату ярким светом. На его щеках ещё не просохли следы ночных слёз.

— У всего свой черёд, — растерянно прошептал он, глядя на старое шёлковое платье, которое так и продержал в объятиях до самого рассвета. — Неужели ты просишь меня не вмешиваться и отпустить его навстречу судьбе?

Перемена в наставнике поразила всю труппу. Уже на следующий день он велел Юйчи Гану присоединиться к общим репетициям. Но если остальные разучивали массовые сцены, то первому ученику доверили исполнить сольный танец с длинными рукавами.

Юйчи Ган поначалу недоумевал, почему наставник так резко сменил гнев на милость, но вскоре отбросил лишние сомнения. Самое главное — он выйдет на сцену. Он репетировал не жалея сил, до изнеможения оттачивая каждое движение и взмах лёгкого шёлка.

Настал пятнадцатый день лунного месяца, и Юйчи Ган вновь увидел Бянь Му. С самого полудня его вместе с другими актёрами продержали в уединённом флигеле поместья принца Луаня. Лишь с наступлением сумерек стража позволила им выйти на улицу.

Глядя на величественные сады и пышные галереи поместья, юноша ощутил, как к горлу подкатывает горький ком воспоминаний. В толпе слуг он заметил несколько знакомых лиц — преданных людей, которые в прошлой жизни выказывали ему искреннее участие. Позже, когда принц Луань покинул резиденцию, все они разделили с Юйчи Ганом его ужасную участь.

— Сяо Юй, соберись. Я разрешил тебе выступить не для того, чтобы ты ловил ворон, — негромко шепнул старейшина Дин, заметив его отстранённый взгляд. Наставник пристально наблюдал за бледным учеником, стараясь вернуть его к реальности.

— Да, учитель, простите, — виновато отозвался тот.

Он сделал глубокий вдох, заставляя утихнуть призраков прошлого, терзавших его душу.

Миновав анфиладу крытых переходов, труппа наконец очутилась в главном внутреннем дворе. Молодые актёры восторженно шептались, поражённые небывалой роскошью усадьбы. И лишь Юйчи Ган безучастно скользил взором по дорожкам, которые в былом знал наизусть и мог бы пройти с закрытыми глазами.

К счастью, погода пощадила их — проливного дождя, погубившего его в прошлый раз, не случилось. Небо весь день заволакивали глухие сизые тучи, и лишь порывистый, колющий ветер трепал подола одежд. Юйчи Ган, облачённый в тонкое сценическое одеяние, совсем озяб на холодном сквозняке в ожидании своей очереди.

— На, сделай пару глотков, — старейшина Дин протянул ему пиалу с горячим отваром. — Соберись. выступи так, чтобы комар носа не подточил.

— Всё сделаю как надо, учитель.

Наконец групповое выступление завершилось, и наступил черёд сольного выхода. Теперь вся сцена принадлежала только ему одному. Перед тем как сделать первый шаг на деревянный помост, юноша мимолётно взглянул в сторону почётных мест. Бянь Му сидел там, не отрывая от него пристального, оценивающего взора.

Двор ломился от гостей — здесь собралось куда больше почтенной публики, чем в обычные дни в Башне Хайхуа. Перед сценой восседали разодетые в шелка чиновники, генералы и знатные вельможи округа, пресыщенные и требовательные к зрелищам. Малейшая оплошность перед такими зрителями могла стоить актёру не просто репутации, а жизни.

Юйчи Ган шумно выдохнул. В этот миг Бянь Му едва заметно улыбнулся ему одними уголками губ, и эта мимолётная поддержка мгновенно уняла дрожь в коленях. Едва раздались первые, щемящие звуки флейт и звон лютней, мир вокруг перестал существовать. Он полностью растворился в музыке, лишь изредка, в стремительных кружениях и взмахах рукавов, ловя на себе потеплевший взгляд принца.

Выступление вышло безупречным. Стоило Юйчи Гану замереть в финальной позе, завершая танец, как искушённая публика взорвалась искренними, восторженными рукоплесканиями. Должно быть, пресыщенным вельможам пришлось по душе изысканная утончённость его движений, столь не похожая на привычные им грубые забавы.

Оказавшись за кулисами, тяжело дышащий Юйчи Ган почувствовал, как его начинает бить крупная дрожь от пронизывающего ветра, моментально остудившего разгорячённое тело. Тёплая одежда осталась во флигеле, путь к которому лежал через бесконечные галереи и открытые дворы. Праздник был в самом разгаре, всюду сновали знатные гости, а бдительные охранники строго следили, чтобы заезжие паяцы не разбредались по парадным покоем усадьбы. Актёрам ничего не оставалось, кроме как сбиться в кучку у края помоста в ожидании сопровождающего.

— Эй, малец, а ну-ка подойди, — раздался в стороне знакомый, властный голос Бянь Му.

Принц Луань стоял неподалёку под сенью резной беседки и манил его к себе небрежным жестом.

<http://bllate.org/book/20438/2131339>